

Елена Тюгаева

Взгляд

История запретной любви

Елена Тюгаева
Взгляд. История
запретной любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792831
ISBN 9785448387692

Аннотация

Молодая замужняя женщина и одинокая девушка случайно встречаются в библиотеке. Оказалось, достаточно одного взгляда, чтобы разыгралась нестандартная страсть, перешедшая в тяжёлую психологическую драму...

Взгляд

История запретной любви

Елена Тюгаева

© Елена Тюгаева, 2017

ISBN 978-5-4483-8769-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Взгляд, брошенный искоса – больше мне ничего не осталось. Быстрый, как скользнувший из-под листвы солнечный луч, внезапный, как порыв ветра. Всё остальное я тоже помню, всего-то год прошёл. Но лицо, голос, руки, улыбка запечатлелись в памяти плоско, как на фотографиях, где не может быть объёма и запаха. Сохранился живым только взгляд Норы – единственной женщины, которую я, страшно и странно сказать – любила.

Я никогда не интересовалась квир-культурой. Для меня это было что-то заоблачное, и когда знакомые выражали свою неприязнь или отвращение к «не таким», я спрашивала:

– Какое вам до них дело-то? Или вы часто с ними общаетесь?

Конечно, никто не общался – ни часто, ни даже изредка. Мой круг знакомых включал людей интеллигентных и скромных, иногда, впрочем, раздражавших меня своей правильностью. Революционеркой я не была, но отдельные слова, поступки и бытовые мелочи возмущали. С каждым годом – всё сильнее, что закономерно, характер ведь портится с возрастом. Мой муж Максим, например, терпеть не мог любого отступления от нормы. Видя по телевизору молодых людей с татуировками, смелым пирсингом или необычным цветом волос, он каждый раз восклицал:

– Вот придурки!

Ещё хуже бывало, если он замечал подобного человека на улицах нашего города, не слишком, честно говоря, изобилующего эпатажными персонами. Он хватал меня за руку и говорил так громко, что оборачивались сразу несколько окружающих:

– Смотри, ну и уродина!

Однажды бритоголовый парень с татуировкой на затылке бросился в драку, и Максим, конечно же, победил. Бритому хватило двух тычков, чтобы он оставил попытки защитить свою честь.

– Ты реагируешь, как неумный подросток, – пыталась я воспитывать супруга, – неужели надо объяснять, что каждый человек имеет свой взгляд на мир?

Он безапелляционно заявлял, что эпатажная внешность свидетельствует об отклонениях в психике, что «таких на-

до закрывать на месяц-другой в диспансере». В общем, гнул свою медицинскую линию, хотя работал не психиатром, а хирургом.

Я не одобряла высказываний Максима, и вздрагивала от омерзения, когда мои родители говорили: «чурки», «жиды», «чернота» – для них представители иных национальностей тоже были квир, фрики, второй сорт.

Люди выдумывают ненависть к непохожим, чтобы облегчать свою жизнь, поняла я уже впоследствии. Ненависть защищает от мира, как броня. Они неуязвимы, а я потому и пала от взгляда Норы, что не надела вовремя доспехов.

Внешность Норы была совершенно обычной. Мой муж не обрушил бы своей нетерпимости на такую девушку, вообще внимания не обратил бы. Она шла мне навстречу, осторожно, стараясь не попадать каблуками в просветы между чугунными завитушками наших удивительных ступенек. Лестницу ковали вручную двести лет назад – для здания дворянского собрания. Тогда барышни каблуков не носили. Они являлись на балы в атласных туфельках.

– Девушка, вы к кому? Библиотека закрывается, приходите завтра.

– Мне бы поговорить с директором, – сказала она, подняв лицо.

Её взгляд коснулся меня – как луч, ветер или необычный аромат. Ничего сверхъестественно красивого, никакой магии.

ческой энергии. Я сама не понимаю, почему удивилась, замерла на секунду, а потом сказала:

– Директор – это я. У вас что-то срочное?

– Очень! – воскликнула она.

Понимая разумом, что ничего срочного не может быть в библиотеке в десять часов вечера, я, тем не менее, пригласила:

– Пойдёмте в кабинет. Может быть, я смогу вам помочь.

– О, спасибо!

Нора догнала меня, и я почувствовала яблочный запах её духов. Совсем неподходящий запах, девушка с ног до головы в чёрном, черты лица классические, и вдруг – детски-кокетливый яблочный запах.

– Извините, пожалуйста, что задерживаю, – быстро заговорила она, едва войдя в кабинет, – я пишу курсовую. Очень редкая книга нужна, преподаватель настаивал, чтобы я использовала её, даже если придётся выписать из другого города...

Уже по темпу речи и тону голоса можно было догадаться, что за девушка стоит передо мной. Беззастенчиво капризная, уверенная в том, что мир создан для неё. Максим добавил бы любимое медицинское: «истерия на фоне хронической неврастении».

– Что ж, я сейчас посмотрю в фондах, – сказала я.

И включила компьютер.

Должен ли директор областной научной библиотеки ис-

полнять прихоть опоздавшего посетителя? Конечно, нет. И даже не взгляд Норы тому причина. У меня было очень плохое настроение в тот вечер. Алфёрова из отдела технической литературы сообщила радостную новость – она беременна. Третьим ребёнком, на тридцать восьмом году жизни. Весёлые голоса и смех сотрудниц звучали для меня дьявольской какофонией. В моей библиотеке (я привыкла называть её «моей») все сотрудницы имели детей. По одному, по двое. В прошлом году ушла в декрет девятнадцатилетняя Прошина, устроенная младшим референтом по просьбе моей свекрови. В этом году возвратились из декрета двое. Теперь Алфёрова. Без детей осталась только я.

Мама говорит – не стоит впадать в отчаяние по этому поводу. Тебе только тридцать три. В нашей семье все поздно рожают. Ведь ты здорова.

Да, я обследовалась, я здорова. И Максим тоже. Врачи выражались фразами из репертуара народных целителей: «так бывает, нужно притереться друг к другу», «нужно съездить на море, отдохнуть». Но я понимала, что просто вытянула у жизни злой жребий, что моя ситуация необъяснима. Ни к каким гадалкам и колдуньям, которых советовали подружки, я не ходила.

Но идти домой в тот вечер не было сил. У Максима ночное дежурство, и перемежать отчаянные мысли с бессильным рёвом в одиночестве не хотелось.

– Да, эта книга у нас есть, – сказала я, – издательство «По-

средник», Санкт-Петербург, 1903 год. На руки её не выдадут, приходите завтра в читальный зал. Он открывается с десяти. Меня не будет, но я дам вам записку для библиотекарей.

На лице девушки возникло отчаяние.

– Знаете, у меня такое отчаянное положение! Брат увёз мой ноутбук с собой в командировку. Значит, придётся переписывать от руки половину книги, а потом ещё и перепечатывать дома на стационарном компьютере!

– Большинство наших посетителей так делает, – улыбнулась я, – далеко не у всех есть ноутбуки.

Она в буквальном смысле ломала пальцы. Как будто у неё тяжело болел близкий родственник. Или бандиты взяли мужа в заложники.

Капризное дитя, не видевшее жизни, подумала я. И ошиблась, конечно – Нора была сиротой с пяти лет, мать умерла у неё на глазах, отец не женился больше, но был семейным тираном, и старший брат – тот ещё деспот. Я не знала этого, я просто спасала свою душу от грызших её демонов.

– На дом такие книги не выдаются. Но я могу отсканировать нужные страницы и, с помощью программы распознавания текста, перевести всё в обычный Word. У вас есть с собой флешка?

– Правда? А так можно? – задохнувшись от радости, спросила Нора.

Улыбка изменила её лицо – классические, правильные

черты вдруг сделались прихотливо изломанными, брови изящно взлетели. Нора показалась мне потрясающей красавицей. Странно. Я всегда ревновала к достоинствам других женщин, считая самой лучшей себя.

– Но программа распознавания – у меня на домашнем компьютере. Если вы не против пойти со мной... это рядом, минут семь ходьбы.

– Конечно! – сказала Нора.

По пути домой мы разговорились. Был неестественно тёплый весенний вечер, почти летнее спокойствие воздуха. Мы обе расстегнули пальто. Я узнала, что её зовут Нора Викентьева, ей двадцать один год, необычное имя ей дала бабушка по матери, грузинка. Отец – генеральный директор большого завода, о котором, я, конечно, слышала и часто читала в местной прессе. Брат – инженер, на этом же заводе. А Нора не любит техники. Она учится на фармацевта.

Я тоже рассказала о себе, не упомянув, конечно, главную проблему. Сказала, что в прошлом году защитила кандидатскую диссертацию.

– За некоторыми книгами для работы мне пришлось ездить в Венгрию и в Чехию, – сказала я назидательным тоном, – они содержатся в особых хранилищах, и на руки их не дают!

– Мне так неудобно, – сказала Нора совсем не извиняющимся тоном, – я повесила на вас свои проблемы...

Мы уже поднимались по ступенькам в моём подъезде. Я отперла дверь ключом и включила свет.

– А где ваш муж? – тихонько спросила Нора. – О, как у вас красиво, Женя, вся прихожая в растениях!

– Давай на ты. Не люблю церемоний, особенно у себя дома. Муж дежурит в больнице. Вешай пальто сюда, вот тебе тапочки.

Больше в тот вечер не было ничего особенного. Кроме кофе. Отсканировав нужные страницы, я предложила выпить кофе. Время подходило к одиннадцати, а Нора не спешила домой, хотя до этого упомянула о патологической строгости отца. Она так и выразилась: «патологически строгий».

– Тебя не будут ругать за позднее возвращение?

– Не будут, – беспечно ответила Нора, – я сказала, что буду ночевать у бабушки. Она здесь, рядом с твоей библиотекой живёт. Я, в самом деле, пойду к ней, когда закончим с книгой.

Я поставила в середину стола сливочник и вазу с печеньем. Налила кофе. Нора сделала первый глоток и не выразила никаких эмоций. А кофе был необычный, такой я подавала только особенным гостям: с черничным сиропом, ореховым ликёром и корицей. Мне бы стоило спросить себя – с какой стати ты ухаживаешь за чужой девицей? Но я по-другому рефлексировала тогда. Обиделась. Подумала – бестолковая девка, тупая, как табуретка. И пила свой кофе мол-

ча, рассматривая исподволь свою гостью.

Она была брюнетка с белой, даже слишком белой для такого тона волос кожей. Стрижка простая, удлинённое каре. Брови – тонкие, правильные, чуть светлее волос. Модный макияж nude look, который я терпеть не могла, лучше совсем не краситься, чем создавать имитацию отсутствия косметики. Пухлые губы. Маленькие серебряные серьги в форме корабликов, и такой же кораблик на тонкой цепочке лежал на бежевом свитере ажурной вязки. Под свитером – красивой формы грудь. Боже, с каких пор я рассматриваю груди других женщин?

Потом я вспомнила – это было всегда. Я всегда рассматривала формы других женщин, с самого детства. Не то, чтобы они вызывали у меня вожделение или хотя бы волнение. Просто интерес, которого никогда не было к телам мужчин.

– Ой, Женя, я тебя ужасно задерживаю! – воскликнула Нора. – Тебе ведь на работу завтра, да?

– Мне к двум часам. Успею выспаться.

Я вспомнила, почему, собственно, зазвала к себе чужую плохо воспитанную девушку. Пусть сидит. Пусть отгоняет моих демонов.

– Какой обалденный кофе! – воскликнула Нора, поставив чашку на блюдечко. – В жизни такого не пила!

Нора ушла около часа ночи, взяв номер моего телефона, чтобы позвонить, дошла ли благополучно до бабушки, и что-

бы отблагодарить меня впоследствии за спасение её жизни, как она сама выразилась. Какое там спасение, думала я, расстилая постель. Ну, не сдала бы в срок курсовую, отец порал бы... свет от торшера в красном абажуре падал на пустую половину кровати. Я не хотела думать о Максиме, потому что это немедленно вызвало бы нечисть из всех тёмных углов комнаты, из всех закоулков души. Максим, любовь, бессмысленная страсть. Эта страсть оплодотворяет клетки, из которых родятся тишина, пустота и отчаяние. Я не могла уговорить себя сделаться чайлд-фри, потому что не понимаю будущего без прогресса. Мне требуется движение вперёд. Я не хочу просто жить и просто умереть. Зазвонил телефон.

– Алло, Женя? Это Нора. Всё окей, я у бабушки.

– Замечательно. Спокойной ночи.

– Спасибо тебе ещё раз. Ты самый добрый человек, которого я встречала в жизни!

На этом восторженном признании девушка моя отключилась. Я уже тогда подумала – девушка моя, спросила себя – что значит – твоя? И заснула.

Несколько дней прошло, и я забыла о Норе и о тоске, из-за которой, собственно, и помогала Норе. Максим как будто почувствовал моё отчаянное состояние, и развлекал меня, как мог. То прогулка на речном катере, то собственноручный массаж с душистыми маслами... Наша с мужем любовь с самого начала опиралась на невидимые связи, «на уровне

тонких тел», как он сам говорил. Если быть честной, Макс чувствовал меня лучше, чем я его. Но и у меня получалось – неожиданно купить ему свитер, о котором он мечтал, приготовить блюдо, о котором он думал по пути домой. Может, таким парам и не нужны дети. Если бы разум мог управлять желаниями...

Нора и Максим встретили меня у подножия кованой лестницы одновременно. Максим собрался повести меня в ресторан «Старый парк» – наше любимое место. Нора появилась внезапно и не дала нам парой слов обменяться. У неё был для меня гигантский букет цветов, что само по себе насмешило Максима, он знал о моей неприязни к букетам. К тому же – приторно пахнущие лилии.

– Это вам! За спасение моей жизни! – воскликнула Нора.

И вручила мне, кроме лилий, ярко-синий пакет, в котором проглядывали очертания традиционных подношений – коробки и бутылки.

– Мы же на «ты», – со смехом возразила я.

Нора долго не задержалась, чмокнула меня в щёку и убежала. Какое экзальтированное существо, добродушно усмехнулся Максим. Нора была одета в чёрную одежду простых линий, и не могла его возмутить. Он забыл о Норе, как только мы выбросили удушливый букет в урну в глубине парка. И я бы забыла, если бы не содержимое пакета – обыкновенный, хотя и красивый торт, обыкновенный, хотя и французский, коньяк.

На другой день была суббота, ужасный день – выходной для меня, сутки дежурства для мужа. Одиночество становится тяжелее в тысячу раз, когда я слышу из открытых окон весёлые голоса детей и притворно строгие окрики их мамаш. Можно закрыть окна и терпеть духоту, но мозги от мира не закроешь. Очень скоро я начала мерить квартиру безумными шагами, приняла успокоительное, попыталась читать. Ничто не спасало, и я решилась на кардинальные меры – поехать к родителям. Там будут жуткие беседы о строительстве дачи, которым отец бредил пятый год подряд, о базе, где мать закупает товар для своего магазина. Но это, по крайней мере, целительный шум, он заглушает вопящий внутри меня ужас.

В троллейбусе я села удачно – у окна, с двумя мирными старушками. Но уже через остановку старушки вышли, а их место оккупировала безобразная семейка: мать, отец и трое детей. Мать заняла сиденье напротив меня своей нехудой фигурой, двумя сумками и двумя безостановочно вихляющимися девочками. Рядом со мной усадили десятилетнего мальчика, а отец повис на поручне, закупорив все выходы к бегству. Дети галдели и вертелись, мать и отец матерились, внезапно отец вlepил затрещину мальчику, и тот завыл на весь салон.

– Слушайте, а нельзя ли потише себя вести? – воскликнула я. – Вы же не дома у себя...

Они набросились на меня с дружной ненавистью. Ишь, ко-

за какая, интеллигентка хренова, ехала бы на такси, сразу видно, своих детей нет. Своих детей нет. Сразу видно...

Я выскочила на первой же остановке, прижалась к фонарному столбу лицом и рыдала. Какая-то сердобольная женщина спрашивала меня, что случилось, не дать ли валокордин... Мне было стыдно брать такси – с зареванным лицом, в потёках размытой косметики. Я вернулась домой пешком, минут сорок шла и ревела, ненавидя себя за постыдную слабость. А что дома? Тишина, ворвавшаяся в уши, хуже воя сирены. Мне попался на глаза Норин коньяк. Я откупорила бутылку и выпила. Три рюмки почти подряд. Слезы высохли, и включился механизм самосохранения. Размеренное поскрипывание его рычажков подсказало мне путь.

– Алло, Нора? Это Женя. Чем ты занимаешься? Не хочешь ко мне приехать? Просто поболтаем. Продолжим знакомство.

Я же не знала, что я у Норы – не первая. Я не думала о таких вещах. Они существовали где-то в недрах Интернета, на глянцевых фотографиях журналов, в неведомых мне клубах... А у Норы была прежде Дина, предпочитавшая звать себя Димой, красивая, похожая на спортивного мальчика. Бывают такие высокие, с искусно накачанными плечами и предплечьями, со стрижками, которые были бы для девочки коротковаты, для мальчика – длинноваты... Классический Керубино, Ромео, кто там ещё, не старше восемна-

дцати лет? Гораздо позже Нора показала мне фотографии девушки-мальчика Дины со взглядами одновременно вызывающими и смущёнными, и объяснила, что такие существа в белоснежных футболках, стильных джинсах и кроссовках с высокой шнуровкой называются «дайк». Она рассказала, что её отец, повстречав Дину, заявил:

– Моя дочь с таким маней-ваней общаться не должна.

Отец приказал – значит, должно быть исполнено. Нора не знала, какая боль последует за разрывом с Диной. Она попробовала подружиться с парнями в вузе, настоящими, под папин вкус. Почувствовала запахи чужого тяжёлого пота и хищного дыхания во время поцелуев, и поняла – это ужасно.

Но в тот день она не рассказала. Мы просто поехали в парк, который нравился обоим. Сидели в кафе, смеялись весёлым официантам, сладкому вину и нашим отражениям в глазах друг друга. Потом гуляли между соснами, фотографировали со смотровой площадки реку и противоположный берег, рассказывали анекдоты.

Я поняла, что Нора хорошо прогоняет мою тоску.

Любовь началась позже. Мне до сих пор интересно, что люди считают началом любви. Когда тебе постоянно хочется часто видеть определённого человека? Когда тебе хочется близости с ним? В таком случае, сначала я полюбила Стасика, а потом уже Нору.

Стасик – это мальчик, получивший затрещину в троллейбусе от нервного папаши. Я узнала его сразу, когда Алла Романовна вывела мальчишку за ухо из проекционного зала. Стасик выл, извивался и матерился. О, боже мой, сказала я мысленно, и бросилась отнимать дитя у разъярённой библиотечарши.

– Привели детей из семнадцатой школы, – бурля яростью, объяснила Алла Романовна, – на «Литературную гостиную». Все слушают, как положено, а этот... бегают, хватает книги со стендов, орёт... Учительница не справляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.